

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Экс-баловень судьбы

«Научная книга»

Серова М. С.

Экс-баловень судьбы / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Профессора Разумова забили насмерть неподалеку от института, где он преподавал историю. Милиция признала дело глухарем: получается, что виновниками стали случайные прохожие. А поди найди их! Ближайшее окружение убитого внушает полное доверие. Версию о причастности к убийству профессора его коллег приходится оставить. Вызывающий подозрение своей экзальтированностью ученик Разумова Влад Незнамов тоже не мог совершить злодеяние по причине своей физической хилости. И тут частный детектив Татьяна Иванова, по просьбе безутешной вдовы взявшаяся за расследование, обнаруживает некие факты, рисующие жертву неведомых вандалов с совершенно неожиданной стороны...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Экс-баловень судьбы

Глава 1

«...Если рассматривать вопрос с позиций, скажем, натуропатии: чем меньше продукт подвергался обработке перед употреблением, тем он полезнее для здоровья. Возьмем табак... Сигареты дорогих сортов подвергаются обработке в степени просто недопустимо высокой... напиткиваются всякими смолами, ментолами и прочими вредными для здоровья составляющими... а вот сигареты дешевых сортов... или папиросы... „Прима“, например, или „Астра“... брррр...»

Так рассуждала я еще полчаса назад, с грустью глядя на две последние сигареты, оставшиеся в пачке, этикетка которой свидетельствовала об и так уже очень недорогом их сорте. Но как только воображению предстали такие названия, как «Прима» и «Астра», в зубу, как говорится, дыханье сперло, и волей-неволей пришлось направить рассуждения в другое русло.

Я стала думать о том, как мне правильнее будет поступить, если сию же минуту не зазвонит телефон, предвещая перспективу жизненно необходимых денежных поступлений. Что доблестнее будет для души – утопиться, застрелиться или повеситься? О! Точно! Правильнее всего – отравиться! Именно так и поступить! Купить пачку «Примы» и выкурить ее враз. Всю, до последней капли не подвергавшегося ни малейшей обработке никотина! Пускай прервется биение жизни молодой! И не поминайте лихом тогда гениального частного детектива Татьяну Иванову вы, подлые натуропаты. Так и напишите в некрологе: «Прима скончалась от „Примы“».

Да-а-а... Каламбур, чтоб его... чтоб ему...

И в этот момент раздался долгожданный телефонный звонок.

Судорожно рванувшись к телефону, я опрокинула стул и благодаря этому неожиданному обстоятельству вдруг осознала, что слишком резкие порывы не пристали солидному и многоопытному профи, каковым я, несомненно, являюсь. Что подумает клиент (надеюсь, это звонит клиент), если услышит в трубке запыхавшийся голос, прерывающийся от радости – что наконец-то в голубой дали забрезжила перспектива работы и связанного с ней вознаграждения.

Сообразив все это, я выдержала паузу, в течение которой перевела дыхание и успокоила сердцебиение, и, взяв трубку только после третьего гудка, солидно и спокойно сказала в нее:

– Аллю?

Из трубки раздался взволнованный женский голос, вежливо и неуверенно поинтересовавшийся:

– Могу я услышать Иванову Татьяну?

– Да, слушаю вас.

– Ах... Здравствуйте... Видите ли... мне порекомендовали... Это правда, что вы занимаетесь частными расследованиями?

– Занимаюсь. У вас какие-то проблемы?

– О... Все это так неприятно... и неожиданно... и...

В трубке послышались подозрительные всхлипывания, и я посчитала своим долгом принять меры к успокоению расстроенной женщины. Что проку будет мне с нее, если она сейчас разрыдается или впадет в истерику?

– Пожалуйста, не волнуйтесь так. Просто расскажите, что случилось, и мы вместе подумаем, чем можно будет вам помочь.

– Ах... если бы вы только знали, как мне сейчас тяжело... И я никогда раньше не имела дел с милицией или с частными детективами... Видите ли... у меня погиб муж...

В трубке повисла долгая пауза, в течение которой, как можно было предположить по доносившимся оттуда неясным и приглушенным звукам, активно использовался носовой платок. Судя по началу, разговор обещал затянуться до вечера. Но давить на клиента не в моих правилах, и оставалось только терпеливо ждать.

– Ну вот, – все еще всхлипывая, через некоторое время продолжила женщина. – Видите ли, он преподает историю... в Покровске... то есть... преподавал...

Чувствуя, что в дело вот-вот снова пойдет носовой платок, я решила немного направить мою чувствительную собеседницу в нужное русло.

– Ваш муж – учитель?

– Нет, он преподаватель вуза. Профессор... Позавчера он не вернулся вечером домой после лекций. Утром я сообщила в милицию, а уже днем узнала, что его тело нашли в Покровском морге...

Женщина снова разрыдалась.

Даже принимая во внимание мое катастрофическое финансовое состояние, я все-таки не могла сдержать раздражение. Ох уж эти бабы! Все-таки мужики если звонят по делу, то о деле и говорят. А эти... как заведут...

Но от того, чтобы бросить трубку, я была еще достаточно далека, поэтому, когда очередной приступ рыданий прошел, решила взять инициативу в свои руки.

– Вашего мужа убили?

И зачем я спросила? Знала же, с кем говорю!

Еще минут через пять, когда она снова успокоилась, я, отказавшись от попыток добиться чего-то конкретного в нашем разговоре, спросила наобум – первое, что пришло в голову:

– Это, наверное, большая потеря для вас?

– О да! Вы знаете, ведь у нас нет детей. Муж – единственный близкий мне человек. И какой это человек, если бы вы знали! Добрый, отзывчивый, мухи не обидит! И такая жестокость! Ведь его избили, вы только подумайте – избили до смерти!

Вот уж действительно, не знаешь, где найдешь, где потеряешь. И спросила я вроде бы совсем не о том, а вот она – удача! Итак, судя по всему, муж моей собеседницы позавчера вечером, во вторник, не вернулся домой с вечерних занятий. Причем занятия происходили не в Тарасове, а в соседнем Покровске. На следующий день, в среду – вчера, жене сообщили, что его тело находится в Покровском морге. Неудивительно, что женщина все еще под впечатлением. Но все-таки процесс общения хотелось бы как-то активизировать.

– Что вам сказали в милиции?

– Ах... если бы вы только знали...

О черт!!!

– Видите ли, они ничего не хотят делать. Сказали, что какие-то хулиганы... Но какие могут быть хулиганы: Толечку все обожали, студенты... они просто души в нем не чаяли... Прошу вас, разберитесь, пожалуйста, нельзя допустить, чтобы такое жестокое преступление осталось безнаказанным!

А милиция-то, пожалуй, угадала. Человека поздно вечером избили до смерти на улице – типичный случай для малолетних хулиганов и наркош. Серьезный убийца не станет использовать такие несолидные и рискованные методы – мало ли кто может увидеть избиение на улице?..

Похоже, дамочка позвонила мне напрасно. Но тут в моем подсознании всплыли недавние рассуждения о преимуществах дешевых папирос перед дорогими сигаретами, и это заставило меня посмотреть на вопрос с другой точки зрения.

Если человек обращается к частному детективу за помощью, значит, он нуждается в ней, и отказывать ему недопустимо. Тем более если эта помощь оплачивается. Раз уж взволнованная дама на том конце провода считает, что я должна заняться этим делом, – извольте, я займусь. Проведу дополнительное расследование, проверю подозрительные контакты, изучу возможные мотивы. И если в результате всего этого я приду к тем же выводам, что и доблестные органы внутренних дел, это только докажет еще раз профессионализм и добросовестность нашей милиции. А гонорар – сам по себе. Работа сделана – извольте оплатить!

Конечно, рассуждения мои на фоне рыданий расстроенной женщины, только что потерявшей мужа, выглядели очень цинично, но в моей профессии, как и в некоторых других, нужно уметь абстрагироваться, иначе недолго и умом тронуться... Я решила внести ясность в главный вопрос:

– Вам известны мои расценки?

– Да, конечно. Насчет этого вы не беспокойтесь, мы имеем средства. Главное, чтобы злодеи понесли заслуженное наказание!

– В таком случае необходимо встретиться, чтобы заключить договор, и, кроме того, я хотела бы более подробно ознакомиться с обстоятельствами дела.

Записав адрес, я получила косвенное подтверждение платежеспособности своей новой клиентки. Квартира, которую мне предстояло посетить, находилась в доме, расположенном в одном из самых престижных районов Тарасова – на набережной Волги.

* * *

И вот теперь, спустя полчаса после всех вышеописанных событий, я мчусь в своей неизменной и ненаглядной «девятчке» навстречу новым приключениям.

По результатам предварительных переговоров с женой убитого профессора у меня сложилось твердое убеждение, что конкретика – не ее стихия, и я мысленно набросала для себя примерную формулировку задания, которое от нее получу. Скажем, так – мадам поручает мне провести дополнительное расследование по факту кончины ее мужа и определить причины наступившей смерти. Это на первых порах.

Что же касается представления пред очи заказчика самого убийцы, то, если версия милиции верна и это рядовое хулиганство, сделать это будет не так-то просто. Поди угадай, кто именно из нескольких тысяч неуравновешенных подростков оказался в тот вечер в опасной близости от несчастного профессора! Поэтому вторую часть расследования, если таковая понадобится, нужно будет начинать не раньше, чем удастся найти хоть что-нибудь, наводящее на след.

Впрочем, нечто подсказывает мне, что дамочка, к которой я еду, начнет именно со второй части. Думает, что если уж она обратилась к частному детективу, то не успеет и глазом моргнуть, а уж убийца – вот он!

Надо будет в разговоре ненавязчиво сориентировать ее, что во всяком деле есть своя технология, и любая работа – это не сиюминутное действие, а процесс, протяженный во времени. И это время должно оплачиваться.

Кажется, я сама себе заговариваю зубы. Как и всякий профессионал, я не успокоюсь, пока не дойду до конца и не выполню именно ее – ту самую пресловутую вторую часть: пока не найду убийцу. А дельце это, судя по началу, тот еще «глухарь», и найти преступника будет не так-то просто.

Испугались вы, Татьяна Александровна, вот в чем все дело! Испугались, что можете не справиться и профессиональное самолюбие ваше пострадает. Поэтому и рассказываете сами себе истории разные. «Первая часть» да «вторая часть»! Сомневаетесь, так нечего и ехать.

Ну это уж дудки! Чтобы я – профессионал до мозга костей, ас, зубр, монстр – не нашла каких-то сопливых ублюдков?! Да из-под земли достану! За шиворот приволоку!

В таком боевом настроении я припарковала машину возле нужного дома, поднялась на третий этаж и позвонила в дверь.

Мне открыла дама (именно дама, по-другому не назовешь) чуть старше средних лет, не по-домашнему ухоженная, в очень приличном, хотя и немного старомодном, домашнем платье с небольшой гранатовой брошью у горловины.

– Надежда Сергеевна, – представилась она. – Проходите, пожалуйста.

Пройдя по слабо освещенному коридору, в глубине которого угадывались двери, ведущие как минимум еще в три-четыре комнаты, мы оказались в гостиной, весьма недурно обставленной.

«А квартирка-то ничего себе – ковры, картины... Бабушкино наследство?»

Меня такие признаки благосостояния только обрадовали. Значит, проблем с оплатой действительно не будет.

– Присаживайтесь, – пригласила Надежда Сергеевна, гостеприимно указав на диван подозрительно антикварного вида.

Я села, стараясь не оставлять слишком глубоких вмятин, и попросила ее рассказать со всей возможной подробностью о том, что же произошло за последние два дня.

– Вы меня, пожалуйста, простите – наш разговор по телефону получился несколько сумбурным, но мне действительно все еще трудно прийти в себя после происшедшего.

– Нет-нет, что вы! Конечно, я понимаю, потерять близкого человека – это...

– Вы знаете, в таких случаях обычно спрашивают: не было ли каких-нибудь предпосылок, угроз, каких-нибудь подозрительных фактов... Но уверяю вас – ничего абсолютно! Все шло как всегда: работа – дом, тихо и спокойно.

– Кстати, раз уж вы упомянули о работе: нельзя ли об этом поподробнее – где именно работал ваш муж, каким был его обычный график?

– Да, конечно. Раньше мы оба работали в Тарасове, в Техническом университете, но лет шесть назад Анатолию Федотовичу предложили должность заместителя заведующего кафедрой в Покровском институте кооперации, и он согласился. С тех пор и работает там... работал... Преподавал историю, вел семинары, занимался со студентами дополнительными исследованиями – все как обычно. С понедельника по среду у него были занятия на вечернем отделении. Они заканчиваются не поздно – в девять часов вечера, поэтому я и не волновалась сначала, но потом...

Мне показалось, что самообладание готово уже изменить моей собеседнице, но она сумела удержать себя в руках.

– Это практически все, что я могу сообщить вам конкретно о самом происшествии. В четыре утра, так и не дождавшись мужа, я позвонила в милицию, а где-то около двух часов дня мне сообщили, что в Покровском морге находится тело мужчины, по приметам похожего на моего мужа. Я поехала туда... Ах если бы вы знали, что мне пришлось пережить...

Рядом с диваном на небольшом столике стоял графин с водой, и я поспешила налить стакан и предложить его своей собеседнице.

Все-таки зря я наезжала на нее. Это вам, Татьяна Александровна, давно уже примелькались изуродованные трупы и всевозможные проявления человеческой порочности, а непривычная к эксцессам тепличная интеллигенция и в ночных кошмарах такого не увидит. Учитывая обстоятельства, моя мадам держится еще молодцом. Другая на ее месте не то что расследование заказывать – свою фамилию забыла бы.

– Убийство произошло в Покровске, – продолжала Надежда Сергеевна, выпив воды, – и расследование ведется покровскими органами внутренних дел. Они установили, что смерть

произошла в результате побоев. Причем характер ссадин и синяков свидетельствует о том, что нападали несколько человек. Они склоняются к тому, что это хулиганская выходка радикально настроенной молодежи. Из вещей ничего не похищено... да и нечего было похищать, крупных сумм Толечка с собой не носил, мобильным телефоном не пользовался – он не очень любил разные нововведения...

– Какие-нибудь особые улики на месте преступления были?

– Передо мной они не особенно распространялись, но по разговорам я поняла, что улик не было и что дело это считается почти безнадежным... Поэтому очень вас прошу – помогите!

– Разумеется, я сделаю все, что могу. Но для этого и вы должны помочь мне. Если вы не подозреваете каких-либо предпосылок к совершению такого преступления...

– Нет, абсолютно никаких!

– ...то для начала мне необходимо будет проверить всех, с кем ваш муж поддерживал наиболее частые контакты. Вспомните, с кем он больше всего общался, дружил, имел общие интересы.

– Это будет нетрудно, поскольку живем мы достаточно замкнуто. С коллегами по старой работе, почти со всеми, мы давно уже не общаемся, как говорится: с глаз долой – из сердца вон. А в Покровском институте Анатолий Федотович плотнее всего контактировал с Владимиром Павловичем Залесским с кафедры экономики. Они вместе организовывали курсы повышения квалификации или что-то в этом роде... Я не очень вникала. Ну и еще можно назвать Веру Иосифовну Зильберг. Она преподает философию в Техническом университете в Тарасове. Когда мы с мужем еще работали там, мы были очень дружны. Часто ходили в гости друг к другу, как это называют – дружили семьями. Но потом Верочка рассталась со своим мужем, у нее был очень тяжелый период, и мы стали видеться реже. Ну а когда мой муж стал работать в Покровске, она и вовсе перестала заходить к нам. Но я знаю, что Толечка поддерживал с ней связь: у них еще со времени совместной работы в университете остались какие-то общие профессиональные интересы. Что-то связанное с исследованиями или с какими-то курсами... Я не старалась слишком подробно вникать в дела мужа: сама я преподавала немецкий, и проблемы историко-философские довольно далеки от меня.

– Если я правильно поняла, сейчас вы тоже не работаете в Техническом университете?

– Да, совершенно верно. Когда мужу предложили новое место работы, он сказал, что теперь будет зарабатывать вполне достаточно для того, чтобы я могла сидеть дома. У меня небольшие проблемы со здоровьем, да и возраст дает себя знать, а работа преподавателя требует иногда больших нервных затрат. Но я не совсем пенсионерка. Освободившись от обязательных занятий в университете, я получила возможность заниматься репетиторством и в плане денежных доходов скорее выиграла, чем потеряла. Но все это пустяки. Главное сейчас – найти преступников!

Увы! Предчувствия не обманули меня. Ни одного мотива, ни одной зацепки, а ей преступников подавай! Придется дамочкину прыть слегка попридержать. Да и об оплате не мешало бы напомнить. Я призвала на помощь все дарованную мне вежливость и галантность и начала свою речь, которая должна была дать представление моей собеседнице о трудностях и превратностях работы частного детектива, а мне – обеспечить получение авансовых платежей.

– Да, разумеется, найти преступников – это самое главное. Но вы, конечно, понимаете, что поимка злоумышленника – это уже результат, а мы с вами еще в самом начале процесса. Мне потребуется некоторое время (здесь я еле удержалась, чтобы не сказать «и деньги»), чтобы обследовать место преступления, изучить возможные версии, найти улики... То есть проделать всю ту работу, за которую вы мне и платите.

Клиентка моя оказалась даже догадливее, чем я предполагала. Только лишь услышала напоминание об оплате, она предложила выплатить аванс. Но я все-таки условилась с ней, что пока берусь только за то, чтобы подтвердить или опровергнуть заявленные органами мили-

ции причины смерти ее мужа, а дальнейшее расследование будет зависеть от того, что мне удастся установить, закончив первую часть. Не удержалась-таки я – брякнула про эту дурацкую «первую часть».

Мы, как обычно, условились, что все текущие расходы по делу клиент тоже обязуется возместить, и я отправилась домой, по дороге пытаюсь набросать в уме приблизительную схему своих дальнейших действий.

Как и ожидалось, личная встреча с клиентом так же мало обогатила меня информацией, как и телефонный разговор. Придется начинать с самого начала. А самое начало находится у нас в славном городе Покровске, через реку от Тарасова. Ехал Грека через реку, видит Грека – в реке... труп. Юморок, скажу я вам... профессиональный.

Так! Завтра встать пораньше, хватит бездельничать, и бодренько, с утраца – в Покровский морг. После обеда так и жди, что все пьяными будут, никаких концов не найдешь. Правда, большая загадка – с какой стати они меня туда пустят трупы осматривать, даже будучи трезвыми. Ладно, что-нибудь придумаем, не впервой.

Потом – на место преступления. Институт кооперации, думаю, найти будет несложно, а переулок, в котором все произошло, – неподалеку. Кстати, как этот переулок называется? Я хотела было достать блокнот, в который записывала основные данные по этому делу, но тут какой-то лихач впереди меня пошел на двойной обгон, чуть не столкнулся со встречной машиной, со всех сторон, как водится, стали сигналить, а мне пришлось резко тормозить и маневрировать. Нет, спокойнее всего «думать мысли» дома.

Я заехала в магазин и истратила часть полученного аванса на кое-какие продукты, а главное – на кофе и нормальные сигареты, и, приехав домой, смогла наконец насладиться любимым напитком и дымом неприлично дорогих сигарет, напичканных очень вредными для здоровья эфирными смолами.

Итак, что же мы имеем? А имеем мы институтского профессора, безобиднейшего и тишайшего человека, если верить словам жены, которого поздним вечером после занятий забили до смерти неизвестные лица в одном из переулков недалеко от института.

Вопрос первый: чем забили? Просто кулаками или у них были какие-то орудия? Это выяснится завтра, в морге.

Вопрос второй: кто забил? Недовольные студенты? Жена говорит, что они в нем души не чаяли, но все может быть. Десятеро души не чаяли, а одиннадцатый – люто ненавидел. Так что в качестве версии можно принять и студентов. К тому же и время, и место преступления тому способствуют. А если не студенты – тогда случайные прохожие, а таковыми могут быть все, кто угодно. Да, именно это не нравится мне в новом деле! Если профессор – жертва случая, вся надежда только на такой же случай: неожиданные свидетели или нечаянно оброненный в пылу драки паспорт с пропиской. Впрочем, время покажет, отчаиваться рано. Есть еще и третий вариант – нанятые убийцы. Но как-то слишком уж несолидно. Нанять киллера стоит денег, и немалых, у какого-нибудь ханыги таких не водится, а человек серьезный не станет заказывать избиение в темном переулке. Вот разве что действительно – заказывали избиение, а не убийство? Какой-нибудь огорченный коллега (тот же Залесский) обиделся на что-то да и нанял дешевеньких бомжей (или тех же студентов), чтобы они отдубасили хорошенько господина профессора. А он, паче чаяния, возьми да и скончайся. Надо будет в беседе с коллегами эту тему пробить.

Третий вопрос: за что? То есть – мотив? Здесь пока ясно только одно – не ограбление. И косвенно это свидетельствует против версии о случайных прохожих. Гопники и прочий сброд наверняка не преминули бы обшарить карманы, а у профессора, похоже, не пропала даже мелочь из кошелька. Но, в общем и целом, с мотивами пока глухо. Надеюсь, что в процессе расследования проявится что-нибудь подходящее. Если, например, Залесский...

Но, впрочем, нет. Строить догадки и предположения, не имея перед собой фактов, – последнее дело. Выдвижение конкретных версий отложим на завтра, а сегодня займемся утолением волчьего аппетита, который после целого дня разговоров и раздумий, подстегнутый кофе и сигаретами, начинает уже заводить у меня в животе весьма недвусмысленную музыку.

Этот день был закончен вальсасаровским пиром, и, уничтожив солидную часть съестного, закупленного в магазине, я завалилась спать, довольная и объевшаяся.

Глава 2

Разумеется, на следующий день я проспала. Насмотревшись кошмарных снов, не преми-нувших явиться мне в виде наказания за переядание на ночь, я проснулась уже около одинна-дцати часов с мутным взглядом и опухшим лицом.

Поняв, что уже не успею попасть на утреннюю «планерку» в Покровский морг, я выска-зала зеркалу все, что о нем думаю, и попыталась привести в порядок свой внешний вид. При-няв контрастный душ, поразмявшись немного с гантелями и завершив все это чашечкой креп-кого кофе и сигаретой, я смогла оценить свое состояние как удовлетворительное.

Ничего страшного, никуда этот морг не денется и после обеда. Надо будет только захва-тить что-нибудь «погорячее» для сотрудников – еще и спасибо скажут. Мало ли как бывает: сидели, сидели – бац! – и закончилось все! А тут откуда ни возьмись – Танечка Иванова, да не одна, а с подарочком. Пробьемся!

Я закурила сигарету и отправилась к своей «девятичке», с которой нам предстояло сегодня совершить путешествие в город Покровск.

Уже подъезжая к мосту, соединяющему Покровск и Тарасов, я начала испытывать нехо-рошие предчувствия. Движение подозрительно замедлилось, а колонна машин впереди ста-новилась все плотнее и непроницаемее. А что тут удивляться – давно известно: как Новый год встретишь, так его и проведешь. Если уж с утра день не задался, чего же ожидать после обеда? Разумеется, только одного – хорошей многочасовой пробки в лучших традициях клас-сического жанра.

Продвигаясь в сторону моста со скоростью двадцать сантиметров в час, я мучительно думала, как бы мне скоротать невыносимое время, проходящее в бесплодном ожидании неиз-вестно чего. Придумать, под каким предлогом мне проникнуть в морг? Импровизация мне больше по душе, но основные тезисы стоит наметить. Чтобы врать увереннее. Да и время прой-дет с большей пользой.

Итак, за каким дьяволом мог бы понадобиться мне убитый профессор? Да ни за каким! Кто он мне вообще?

А действительно, кем бы он мог мне быть? Скажем – дядей. Очень хорошо! Дядя. Самых честных правил. Был дядя, да и сплыл. Пропал без вести.

А я здесь при чем? А при том, что других родственников у дяди нету. Кроме тети. А тетя – старенькая, из дому почти не выходит. А милиции до дяди и дела нет. Вот и приходится мне, любимой племяннице... Да куда же ты прешь на встречную, задница, а?! Не видишь – народ в очереди стоит?! Ну конечно, мы же крутые, мы же на «Ауди». Нам же некогда всегда! Это вы, деревенские девушки на бежевых «девятках», ждите, пока пробка рассосется, а нам законы не писаны... Ага! Засвистал! Засвистал, родимый! Поделом тебе! Будешь знать, как правила дорожного движения нарушать. Иногда и от гаишников на дороге бывает польза. То бишь, как их теперь кличут? Гибэдэдэшников. Простите меня, дети до 16, за такое слово!

На чем я остановилась? На племяннице. Хожу я, племянница, с тех пор, как пропал дядя, по моргам и больницам и выполняю за милиционеров их работу. А куда деваться? Дядю искать надо, а то тетя совсем расстроится, а у нее и так здоровье неважное.

Легенда вроде бы ничего себе, осталось только уточнить, подходит ли мой внешний вид под любимую племянницу утерянного дяди. А что – ничего. Джинсики, маечка... курточка... Хорошо, что джинсовую взяла. Кожаная-то, пожалуй, была бы крутовата для племянницы, шляющейся по моргам. На крайний случай, можно было бы и совсем без курточки, но на дворе конец сентября, так что лучше не экспериментировать.

Уф! Никак поехали. Вот и Покровск. Ну в морг-то дорога мне известна! Вот вам специфика моей работы – нормальные люди, попадая в незнакомый город, первым делом узнают, где расположены музеи или рестораны, а для меня два первых и главных адреса – морг и дежурная часть.

Кстати, когда именно дядя пропал? Не мешало бы уточнить. Месяца три назад? Нет, много. Через три месяца по моргам бегать уже бесполезно. Три недели будет в самый раз. Ну – ни пуха тебе, Татьяна Александровна!

* * *

– Здравствуйте, а могу я с заведующим поговорить?

– Нет, его нет сейчас. А что вы хотели?

Высокий брюнетистый медбрат в не слишком белом халате и с не очень трезвыми глазами на покрытом характерными прыщиками лице смотрел на меня с нескрываемым интересом. Да уж, нечасто заходят к тебе такие посетители, милый мой. Ну давай, Танюша: глазки круглее, и вперед – сделай дурочку и поваляй ее.

– Ой, вы знаете, у меня к вам будет такая просьба... У нас пропал дядя, понимаете: ушел из дому, и с тех пор – ни слуху ни духу. Мы уже и в милицию заявляли. Там сказали, что будут искать, но, сколько я ни звонила, ничего, а тетя так переживает, ночей не спит, а у нее и так сердце слабое...

– Да вы присядьте, девушка, – пригласил немного ошалевший от моего напора медбрат.

– Ой, спасибо большое. Вы знаете, люди – такие отзывчивые, не то что эта милиция! Мне везде помогали, еще ни в одном морге не отказывали.

– В каком смысле? – Медбрат окончательно потерял способность соображать и уставился на меня даже с некоторым испугом. Тем временем из глубинных помещений стали подтягиваться и другие трудящиеся. Резкий запах лука и копченой рыбы весьма недвусмысленно давал понять, как они проводят время в отсутствие заведующего. Оно и к лучшему. Я сделала глаза еще круглее и, обращаясь уже ко всей аудитории, продолжила:

– Ну как же вы не понимаете? Я же объясняю вам – у меня пропал дядя, и я теперь обхожу морги и больницы: вдруг хоть какая-то информация появится? В Тарасове мне все помогали, никто не отказал, но, к сожалению, ничего. Боже, тетя так расстраивается, она последнее время сама не своя, я так боюсь за нее! Ведь неизвестность хуже, чем самая горькая правда. А тут мне посоветовали знакомые: съезди в Покровск, может, там что-то окажется. Вот я и приехала... У вас бывают, наверное, неопознанные трупы... нельзя ли мне на них посмотреть, а?

Я доверчиво взирала на них широко распахнутыми глазами, из которых так и лилось на окружающих выражение беззащитности и надежды. Могли ли они мне не помочь?

– А давно пропал ваш дядя? – спросил один из слушателей, маленький, рыженький и кудрявый.

– Двадцать девятого августа, – без запинки отрапортовала я.

– Ну что, ребята, поможем девушке? – По тону рыженького было ясно, что мое дело в шляпе. «Ребята» нерешительно заухмылялись, и тут я пустила в ход своего козырного туза.

– Ой, такое вам спасибо... а я уж для вас... вы не думайте, я знаю, у вас работа нелегкая...

– Да уж, работенка – та еще, – донеслось откуда-то из задних рядов.

– Ну вот! А я тут вам сувенирчик небольшой... – И на свет появилась моя поллитровая домашняя заготовка. Настроение у аудитории сразу стало бодрее. Послышались нечленораздельные, но явно одобрительные звуки, и рыженький, который, видимо, был тут за главного, сказал брюнету в прыщах:

– Вадик, проводи девушку, покажи там... что нужно. Да вы в обморок-то не плюхнетесь? У нас тут не кино.

– Ой, я за это время такого уже насмотрелась... Вы мне только покажите, кто к вам за последнее время поступал, а я уж там... сама уж...

– Ну ладно, проводи, Вадик. А если что, и я могу с вами сходить, чтобы не так страшно было, – с ухмылкой предложил рыжий, как-то уж слишком фривольно пройдясь глазами по моим внешним данным.

– Ой, нет-нет, большое спасибо, мне и так неудобно...

Отделавшись от рыжего, я вслед за Вадиком, который, по счастью, не был таким разговорчивым, углубилась внутрь помещений морга.

Не люблю я эту жуткую атмосферу – и правда, как они работают здесь, бедные? Предвкушая то, что мне сейчас предстоит сделать, я постепенно теряла свой легкомысленный настрой, и настроение становилось все более мрачным. История с дядей оказалась удачной, но благодаря ей мне придется теперь осматривать не один изуродованный труп, а несколько. Может быть, даже больше десятка. К счастью, дело оказалось не так плохо.

– Неопознанных поступало только шесть, две из них – женщины, один – явный бомж. Женщины вас, как я понял, не интересуют?

– Нет! – Я ответила с такой поспешностью и нажимом, что Вадик, шедший впереди, обернулся и снова с недоумением посмотрел на меня. Но спрашивать ни о чем не стал. Как хотите, а он мне начинает нравиться.

– Бомжа будете смотреть? – спросил Вадик, когда мы оказались в холодильнике.

– Давайте я всех посмотрю, чтобы душа спокойна была, – проговорила я, изо всех сил стараясь не сбиться с тона круглоглазой дурочки.

– Ну как хотите. Тут еще один: поступил как неопознанный, но в среду приезжала... не знаю – жена, что ли, говорят, опознала.

Ага! Есть!

– Нет, вы уж, пожалуйста, покажите всех... чтобы душа спокойна была, – не найдя лучшего выражения, повторила я.

– Как вам угодно...

Флегматичный Вадик выдвинул нужные ящики, и я стала обходить их по очереди, пытаясь угадать – в каком же из них лежит мой профессор?

Так, этот, сразу видно, бомж. На лице грязь ввела в морщины, руки – просто черные. Не мой «клиент». Что дальше? Блондин, неплохая фигура, без седых волос. Этот, пожалуй, тоже не мой – слишком молод. Так, а этот похож! Синяки, кровоподтеки. Наверняка – мой. Но убедиться не мешает. Я, не сходя с места, попыталась рассмотреть четвертый труп. Коренастый крепыш небольшого роста не носил на лице черт интеллигентности, был явно намного ниже, чем жена профессора, а главное – не имел на теле следов побоев.

Стараясь не привлекать повышенного внимания Вадика, я углубилась в изучение трупа мужчины, который лежал передо мной. Продолговатые удлиненные синяки свидетельствовали о том, что удары наносились не кулаками. Скорее – палкой. А вот что-то более интересное! В центре синяка – кровоподтек и рана: как будто воткнули что-то острое. Палка с гвоздем? Или доска. Доска с гвоздем... вполне возможно.

Что еще? Синяки практически по всему телу, то есть и тут милиция не ошиблась – нападавших было несколько. Вот, кажется, и все. Никаких сенсаций. Пока все данные только подтверждают выводы многоуважаемых органов, и взять с этого бесперспективного трупа мне особо нечего. Разве что образец крови: вдруг пригодится? Я незаметно достала из кармана специальный пакетик и скovyрнула в него немного застывшей крови из кровоподтека. «С паршивой овцы хоть шерсти клок», – промелькнуло в голове с неуместной иронией.

– Ну как? – решился наконец подать голос молчаливый Вадик.

– Нет... нет, его здесь нет.

Опустив глазки, я постаралась изобразить скорбь по утраченному дяде.

– Ничего, еще найдете... – неуверенно попытался успокоить меня Вадик.

– Да... да, конечно... спасибо вам.

Я бросила на Вадика полный благодарности прощальный взгляд и поспешила выбраться на свежий воздух.

Не найдя ничего нового в морге, я поехала осматривать место преступления. Расспросив по дороге, как найти институт кооперации, я припарковалась в сторонке и медленно направилась в сторону института, внимательно осматриваясь по сторонам.

Объясняя мне, как найти переулок, в котором убили профессора, Надежда Сергеевна говорила, что рядом находится кондитерская фабрика. Судя по пряношоколадному запаху, который разносился по окрестностям, фабрика была совсем недалеко. Однако указателей улиц нигде не было, и, чтобы найти требуемый переулок, мне пришлось расспросить человек пять прохожих. Оказывается, такие тонкости, как названия переулков, жители города Покровска не особенно стремятся запоминать.

Наконец мне попалась пожилая женщина, благодаря которой я и обнаружила искомое. Переулок был расположен весьма удачно: с одной стороны метра на три возвышалась глухая бетонная стена кондитерской фабрики, с другой был газон, довольно плотно посаженный кустами и деревьями, и за ним – ворота какой-то базы, казалось, специально созданные для того, чтобы никогда не открываться. Даже сейчас, днем, в переулке не было ни души. Представляю, каково здесь ночью!

Интересно, что заставило покойного профессора разгуливать среди ночи по таким укромным уголкам? Кто-то заманил? Тогда это, несомненно, был кто-то хорошо знакомый, и версия со случайными прохожими отпадает. Но, возможно, здесь проходил обычный путь профессора, когда он возвращался домой. Если я правильно поняла, ученый муж автомобиля не имел и пользовался общественным транспортом. Или такси? Впрочем, такси – это вряд ли. Он ведь все-таки был не академик, а рядовому профессору, насколько мне известно, ежедневное такси не по карману. Нужно будет поподробнее узнать маршруты, которыми обычно пользовался уважаемый Анатолий Федотович.

А сейчас изучим место преступления. Сегодня пятница. Следовательно, с момента убийства прошло три дня. Дождя не было, что-нибудь да осталось. Ну да: вот кусты примяты, ветки поломаны... Трава утоптана... так-так... а нет ли чего-нибудь интересного в этой траве?..

Все-таки хорошо, что переулок был безлюдным. Увидев, как я, стоя на карачках, вожу руками туда-сюда, приглаживая траву, многие бы приняли меня за ненормальную, и неизвестно, чем бы мои изыскания могли закончиться. А так – очень даже известно, чем они закончились: ничем.

Перебрав руками чуть ли не каждую травинку и безвозвратно испортив маникюр, я осталась с тем же, с чем и была. Единственное, что можно было заметить, – это слабые бурые следы, попадавшиеся то тут, то там. И хотя было очевидно, что это следы крови профессора, я от отчаяния, что ничего больше не нашла, достала еще один пакетик и погрузила в него одну травинку и листок с какого-то куста.

Мой улов на месте преступления стоил того, что был в морге. Осталось уточнить кое-что насчет орудий убийства, и я с чистым сердцем и пустыми карманами (точнее, пустой сетью, если уж продолжать аналогию с уловом) могу возвращаться домой.

В переулке не оказалось ничего похожего на палку, которая подошла бы для того, чтобы наносить побои. Следовательно, палки, а может быть, это были куски труб, где-то выбросили. Вряд ли унесли с собой. Разве что это были какие-то специальные дубинки, предназначенные для многоразового использования.

В любом случае вариант с выбрасыванием – вполне вероятный, его необходимо отработать. Нет ли здесь поблизости какой-нибудь импровизированной мусорной свалки, на которые так щедры наши города?

Я прошлась взад-вперед по переулку и неподалеку действительно заприметила некую малохудожественную пестроту, говорящую о том, что здесь жители Покровска складировуют отходы своей жизнедеятельности. Пробежав глазами по неопрятному разноцветью, я обнаружила небольшую кучку набросанных друг на друга кусков толстых веток и досок, оторванных, скорее всего, от каких-то ящиков. Из одной доски торчал кривой гвоздь, на котором явственно виднелись бурые следы.

Ничего не поделаешь, придется бегать по свалке не только глазами. С трудом преодолевая брезгливость, я ступила в самую гущу антисанитарии и, сделав пару шагов, смогла дотянуться до необходимого мне вещественного доказательства.

Но здесь эксперимент уже не сошел мне с рук так удачно, как в безлюдном переулке. Когда я обернулась, увидела, что за моими манипуляциями внимательно наблюдает довольно симпатичный молодой мужчина, не мальчик, но и далеко еще не пенсионер, в общем – как раз то, что надо.

– Помочь? – немного иронично, но как-то совсем не обидно спросил он.

Увы – стоя посреди городской свалки, вооруженная доской с торчащим из нее кривым гвоздем, я была просто физически неспособна адекватно реагировать на заигрывания симпатичных мужчин.

– Справлюсь, – каким-то неестественно хриплым басом ответила я и поспешила ретироваться, чтобы не остаться в памяти человечества в виде фурии с доской наперевес.

* * *

На обратном пути в Тарасов пробок уже не было, и я могла проанализировать свой небогатый улов.

Худо-бедно, а ответ на первый вопрос я получила: узнала, чем били профессора, и даже смогла заполучить одно из орудий. Образцы крови нужно будет еще сдать на анализ в лабораторию, но я была уверена, что и на трупе, и на листьях, и на гвозде – кровь одна и та же.

Поскольку использовались палки, можно сделать предположение, что нападавшие не очень надеялись на свои кулаки. Проще говоря, они были хлюпиками. Не совсем хлюпиками, но все-таки недостаточно физически развитыми, чтобы, атакуя даже группой, обойтись без вспомогательных орудий. И уж конечно, они не были профессионалами. Какой же профессионал сложит все орудия преступления в наивную кучку на ближайшей свалке? Как хотите, а есть во всем этом что-то неуловимо детское.

Имеется и еще одна любопытная деталь. В переулке не было никаких ящиков, и ветки на деревьях все были целые, значит, палки и доски были откуда-то принесены, а это уже свидетельствует о некоторой преднамеренности и обдуманности. Весь вопрос в том: откуда именно принесены? Если бы я смогла узнать это, многое бы в этом темном деле прояснилось. Что характерно: куски веток не были свежесломанными. Они имели слегка заостренные окончания и были испачканы в земле, что явно свидетельствовало о каком-то их хозяйственном использовании. Эх, надо было и веточку одну прихватить для образца!

Хотя зачем? Как они выглядят, я и без того помню, а место, откуда они торчали до того, как стать орудием убийства, по их внешнему виду не определишь. Что мне, породы деревьев сличать? И потом, еще вовсе не факт, что место первоначального нахождения веток или досок имеет непосредственное отношение к личности преступника. Их могли взять откуда угодно.

Размышляя таким образом, я и не заметила, как доехала до дома. День уже заканчивался, я чувствовала усталость, но полученные результаты не удовлетворяли меня. Я почти не продвинулась ни на шаг в этом деле. Найденные мною немногочисленные улики не отвечают на вопросы, а наоборот, ставят новые.

Кире, что ли, позвонить? Может, что подскажет? По крайней мере, поможет узнать, что там выяснила милиция. Мне-то они вряд ли расскажут. Хотя поздновато уже... Позвоню наудачу, может, он еще на работе. Раньше он не особенно строго придерживался нормированного рабочего дня, занимаясь любимым делом. Да чему и удивляться, когда такой пример перед глазами, не преминула отметить я, мимоходом взглянув в зеркало.

Как я и ожидала, мой старинный приятель Владимир Сергеевич Кирьянов своим привычкам не изменил и в этот поздний час был еще на работе.

– Здравия желаю, товарищ подполковник!

– Танюша, ты?! Рад слышать. С чем пожаловала?

– Да вот, заскучала что-то, дай, думаю, позвоню другу старому, расспрошу о житебыть...

– Ой, что-то плохо верится мне в такое бескорыстие. Признавайся: проблемы возникли?

– Ах Кирюша, ах рыбка ты моя, ну ничего-то от тебя не скроешь! Не то чтобы проблемы, а так... нечто вроде дополнительной информации мне хотелось бы получить.

– Говори. Чем смогу – помогу.

– Ты вот с покровскими товарищами общаешься?

– Да как тебе сказать... Если по работе что-то возникает – тогда контактируем, но больше в официальном ключе. А в общем и целом особенной дружбы между нами нет. Скорее что-то вроде социалистического соревнования. А у тебя какие-то дела в Покровске?

– Дело-то официально как раз у покровских товарищей в ведении, а мне хотелось бы поподробнее узнать: о чем они там уже разведали, а о чем еще нет.

– Извини, Танюша, но в этом я тебе помочь не смогу. А если начну наводить справки, то могу даже навредить. Как-то у нас был один случай: понадобилась дополнительная информация по делу, и как раз из Покровска – один товарищ у нас там параллельно проходил. И дело-то пустяковое было, так они из него чуть ли не государственной важности тайну сделали. Закрытая информация – и все тут! Так что в Покровске ты уж сама. Если по Тарасову какие-то вопросы возникнут – ты знаешь, я всегда рад помочь.

– Кирюша, конечно, знаю. На нет и суда нет. Извини, что побеспокоила.

– Ну что ты, это ты меня извини... А что за дело-то?

– Да так, неважно...

– Ох, и все-то у тебя секреты, и все-то тайны!

– Да нет никаких тайн, просто...

– Просто! Это у нас, грешных, все просто, а тебя о чем ни спроси – одни загадки. Успехов тебе, звони, не забывай.

– До свидания, Кирюша.

Придется вам, Татьяна Александровна, справляться без посторонней помощи, своими силами.

Я сварила кофе, закурила и на сон грядущий решила подвести итог сегодняшнего не совсем удачного дня. Нужно было, наверное, позвонить своей клиентке, доложить о результатах, но результаты эти были не слишком богатыми, и звонить не хотелось. Однако не успела я об этом подумать, как клиентка позвонила сама.

– Здравствуйте, это Татьяна?

– Да, это я. Здравствуйте, Надежда Сергеевна.

– Можно мне узнать, как продвигается дело? Или, может быть, еще слишком мало времени прошло?

– Нет, вы вправе требовать у меня отчет в любое время, но результаты пока невелики. Мне удалось подтвердить причину наступления смерти, которую высказывали органы милиции: смерть в результате побоев. Кроме того, мне удалось найти предполагаемое орудие убий-

ства. Для окончательного подтверждения требуется экспертиза, но, думаю, ее результаты будут положительными. Однако в связи с особым характером этого дела мне пока не удалось найти какие-либо улики, указывающие более конкретное направление, в котором необходимо работать. Завтра я собираюсь встретиться с господином Залесским. Возможно, в результате беседы с ним мне удастся получить дополнительную информацию.

– А что это за особый характер дела?

– Велика вероятность того, что это действительно была хулиганская выходка подростков и на месте вашего мужа мог оказаться любой другой человек. То есть, возможно, в этом преступлении отсутствует мотив. Если это действительно так, вероятность нахождения преступников очень низка.

– Но... но... вы ведь не откажетесь от дела?

Голос ее звучал испуганно и неуверенно, и мне стало казаться, что сейчас она снова разрыдается. Эх, мадам, знали бы вы, что для меня означает отказаться от дела, – не волновались бы так! Расписаться в собственной несостоятельности... и после этого выбросить лицензию да на деревню к дедушке – кур разводить. Но всего этого я своей клиентке говорить не стала, а просто попыталась ее успокоить и убедить в том, что бояться ей нечего.

– Не стоит так волноваться, Надежда Сергеевна. Если уж я берусь за дело, то иду до конца. Проблема может быть лишь в том, что это потребует больше времени и... обойдется вам дороже.

– О! Нет-нет – о деньгах даже не беспокойтесь! Тратьте, сколько вам нужно! И время... я понимаю... ну что ж, придется подождать. Главное – найдите их! Ведь согласитесь, если человека убивают за какой-то нехороший поступок, тут хотя и с натяжкой, но можно найти оправдание. А когда так просто, ни за что... лишит человека жизни... Нет, они должны понести наказание, непременно! Ведь вы согласны со мной?

– Разумеется. Уверяю вас, я сделаю все, чтобы найти преступников.

Тем более что это соответствует моим финансовым интересам, могла бы добавить я, но не стала. И не только потому, что не хотела портить мнение о себе в глазах клиента. Хоть денежки я и люблю, что скрывать, но мой профессиональный статус превыше всего, и довести дело до конца для меня – вопрос чести. Так что волнуетесь вы напрасно, уважаемая Надежда Сергеевна. Не забывайте, что вы имеете дело с Татьяной Ивановой!

Уже полусонная, я все-таки заставила себя подытожить сегодняшние события.

Итак, ответ на первый поставленный мною вопрос получен: преступление совершено с помощью неких орудий, и эти орудия мною найдены. Но на месте одного вопроса, снятого с повестки дня, появляются сразу несколько новых. Во-первых, откуда были взяты орудия убийства? Во-вторых, как профессор попал в темный переулок, столь удобный для совершения преступления? Зашел ли он туда сам или его заманили? И в-третьих: каков был обычный маршрут профессора, когда он приходил, а точнее, приезжал с работы и на работу?

«Завтра суббота, – уже совсем засыпая, думала я. – Но учебные заведения в субботу работают... Не стоит рассказывать всем, что я частный детектив... Похоже, снова придется прикинуться дурочкой...»

Глава 3

Утром я встала вовремя, как раз, чтобы успеть собраться, взбодриться чашечкой кофе и продумать свой имидж на сегодняшний день. Кардинальное изменение внешности мне сегодня было не нужно, поэтому к услугам своей подруги Светки-парикмахерши я решила не прибегать. Справлюсь как-нибудь и своими силами.

Я сделала незатейливый тинейджерский макияж, подпудрив и подмазав лицо тональным кремом где нужно, стянула сзади волосы в легкомысленный хвостик и, взглянув в зеркало, убедилась, что, если добавить к моему лицу вчерашнюю джинсовую курточку и брючки, я вполне сойду за слушательницу последних курсов школы милиции, которой пришла пора набираться практических знаний и которой поручили собрать дополнительные сведения по делу о загадочном убийстве профессора истории.

Ведь об истинных причинах смерти профессора еще ничего не известно, и вполне может оказаться, что какие-то ниточки ведут к месту его работы. Не стоит раньше времени поднимать переполох на этом самом месте, появившись там в качестве частного детектива.

Добравшись (на этот раз без особых проблем) до уже знакомого мне института кооперации, я, не раздумывая, обратилась к первому попавшемуся мне гражданину, который на вид был достаточно пожилым. Можно было предположить, что он работает в институте давно и даст мне необходимую информацию.

– Простите, вы не подскажете, как мне найти кафедру истории?

Задавая свой вопрос, не скажу, что я целиком была сосредоточена на собеседнике, поскольку, попав в незнакомое место, старалась поподробнее осмотреться. Но, уловив несколько затянувшуюся паузу, я внимательно взглянула на своего визави.

Передо мной стоял невысокого роста старичок с тоненькими-претоненькими ручками и тоненькими-претоненькими ножками, которые пошатывались и подрагивали от тяжести свисающего до коленок пуза. Беззастенчиво рассматривая меня, он плотоядно улыбался. Все лицо его было покрыто какими-то бородавками (или это родинки такие?), фиолетовые сердечно-сосудистые тонкие губки извивались, как две глисты, усиливаясь не провалиться окончательно в беззубый рот, а когда-то, видимо, роскошная шевелюра свисала теперь в виде двух сальных прядей на глубоко запавшие, но все еще блестящие, беспокойные глазки. В общем – ловелас.

– А вы, собственно, что хотели, девушка? – голосом, скрипевшим, как старая дверная петля, прокаркал старичок, когда убедился, что я полностью сосредоточила свое внимание на его персоне.

Признаюсь, первым моим побуждением было послать его куда-нибудь подальше. Но вспомнив, что я здесь по делу и что сексуально озабоченные старички иногда оказываются весьма полезны (если правильно к ним подойти), я решила отбросить амбиции и прямо с этой минуты стать выпускницей школы милиции, собирающей дополнительные сведения по делу об убийстве.

– Видите ли, – доверчиво глядя в блестящие глаза старичка, стала рассказывать я, – я прохожу преддипломную практику в школе милиции, и мне разрешили принять участие в расследовании дела по факту смерти профессора вашего института... с кафедры истории...

Еще продолжая говорить, я вдруг с ужасом поняла, что забыла фамилию профессора. Надо же так проколоться! Профессионал, называется! Что я сейчас скажу этому престарелому донжуану? Собираю данные о профессоре, а о каком, и сама не знаю?

К счастью, старичок не стал дожидаться, когда я озвучу фамилию, и назвал ее сам. Любопытно-плотоядное выражение немного угасло на его лице, и он, глядя уже мимо меня, каким-то недовольным голосом произнес:

– Это о Разумове, что ли?

Да, этот тип явно не сожалеет о безвременной кончине профессора. Недовольные нотки в голосе и двусмысленный его взгляд насторожили меня, но внешне я старалась сохранять простодушное выражение лица выпускницы милицейской школы.

– Да, о нем. Вообще-то, считается, что дело это вполне ясное – хулиганская выходка, но, поскольку выйти на конкретных исполнителей в таких делах всегда довольно затруднительно, мне поручили собрать дополнительную информацию, изучить контакты профессора...

– Ну что же, изучите... контакты... Вы молодые, вам и книги в руки. – Старичок снова плотоядно заулыбался. – Кафедра истории на втором этаже. Кстати, и кафедра бухгалтерского учета там недалеко, так что, если понадобится что-нибудь, обращайтесь.

– А вы преподаете бухучет?! – с радостным удивлением уставилась я на него, как будто всю жизнь только и мечтала о том, как бы мне познакомиться с каким-нибудь бухгалтером.

Старичок галантно, как в восемнадцатом веке, наклонил голову и представился:

– Спиридонов Эрнест Эрастович, кандидат экономических наук.

Час от часу не легче! К чести своей могу сказать, что, услышав столь оригинальное имя, я не изменила выражения лица, но правда и то, что это потребовало некоторых усилий.

До отказа растянув губы в улыбку, так что щеки совсем скрыли выражение моих глаз, я со всей отпущенной мне природой очаровательностью сказала:

– Как-нибудь зайду, – и отправилась на второй этаж отыскивать кафедру истории, все еще чувствуя спиной прилипший к некоторым местам моего тела беспокойный взгляд Эрнеста Эрастовича.

На кафедре истории по случаю субботы не замечалось особенного оживления. Две скучающие полусонные девушки сидели по разным углам и вяло перекидывались незначительными фразами, выглядывая из-за своих компьютеров.

Моя задача заключалась том, чтобы найти с ними общий язык, и я посмотрела на них так, как смотрит на желанный берег моряк, вернувшийся из кругосветного плавания. Счастье, переполнявшее меня, было настолько очевидным, что девушки начали пробуждаться от своего сна и посмотрели на меня с интересом.

– Наконец-то я вас нашла! – радостно выдохнула я и, не давая им опомниться, опрокинула на них целый ушат очень интересной информации о преддипломной практике, о школе милиции, о том, как много у нас с ними общего, и о том, что люди должны друг другу помогать.

Когда я почувствовала, что они уже достаточно напуганы и думают, что я сейчас надену на них наручники и начну требовать пароли и явки, я резко снизила обороты и сказала то, чего они услышать уж точно не ожидали:

– А давайте чаю попьем?

Известно давно, что главный секрет успеха любой импровизации – в ее предварительной подготовке. Вот и я стараюсь всегда иметь такой своеобразный «рояль в кустах». Моя практика показывает, что самый надежный способ найти общий язык с секретаршами, лаборантками и прочим обслуживающим персоналом женского пола – это иметь в запасе коробку конфет.

На этот раз конфеты у меня были специальные: вишня в коньяке, поэтому я имела все шансы рассчитывать на успех. Девушки, немного ошалевшие под моим натиском, потеряли бдительность и поставили чайник. Может быть, они угощали чаем всех, кто заходил на кафедру истории, но своего я добилась. Через двадцать минут после того, как мы впервые увидели друг друга, мы уже пили чай и, как старые добрые подруги, обсуждали нюансы внутренних взаимоотношений на кафедре истории.

– Ничего мужик был Разумов, только занудный какой-то, – говорила белокурая кудрявая девушка по имени Маша. – Как прикопается к чему-нибудь... или к кому-нибудь, так, считай, на всю пару. Или объяснять что-нибудь начнет, дело выеденного яйца не стоит, а он как затянет – «с одной стороны, да с другой стороны»... Все уже давно все поняли, сидят, зевают, а он все рассказывает. Он вел у нас на втором курсе. Ха! Знаете, я сейчас вспомнила: читала книжку про Швейка, там тоже один... любил объяснять. «Вот, – говорит, – например, окно. Знаете ли вы, что такое окно?» И Разумов – такой же был.

– А как, любили его?

– Нельзя сказать, что любили, нельзя сказать, что и не любили. Как-то... никак.

– Конфликтов особых не было, – вступила в разговор вторая девушка, Ира. – Экзамены он принимал нормально, взяток не брал, с руководством не спорил... с Залесским только в последнее время стали они цапаться из-за этих курсов... у нас тут курсы платные недавно открыли, так они там вдвоем верховодили, ссорились иногда. Но тоже не глобально: поговорят, поспорят и перестанут.

– А из студентов никто не выделялся – угрозами, например, или, наоборот, обожанием чрезмерным?

– Ходил тут за ним один... Он какое-то исследование писал и просто тенью Разумова заделался. Было у профессора несколько человек, вроде факультатива, они и после занятий часто оставались... вы их самих спросите, сейчас пара кончится, они на перемену пойдут. Это группа 3705, Разумов у них куратором был.

– И правда, сейчас звонок будет, – испуганно сказала Маша, посмотрев на часы. – Давай скорее убирать, а то Макарова придет – опять разорется.

– А кто это – Макарова? – на всякий случай спросила я.

– Тоже историю ведет, такая вредная, даже чаю попить не дает: для этого у нас, видите ли, обеденный перерыв есть!

– Жестоко она с вами, – рассеянно говорила я, думая о том, что мнение госпожи Макаровой мне тоже не мешает.

В это время зазвенел звонок, и девушки, поблагодарив меня за вкусные конфеты, поспешно расселись за свои компьютеры.

Дверь открылась, и в комнату вошла представительная дама, судя по всему, еще советской закалки. Я рассказала ей свою легенду о милицейской школе и спросила, что она может сказать о профессоре Разумове.

– О, это был прекрасный, грамотный специалист, хороший преподаватель. Какая потеря для нашего института, – начала мадам Макарова без малейших признаков выразительности в интонациях.

Присовокупив к этому бессодержательному началу еще пару-тройку дежурных фраз, она дала мне понять, что это все, что она может сказать по поводу безвременной кончины своего коллеги. Да, советская школа – это на века. Но кое-что полезное я все-таки смогла извлечь из ее равнодушного монолога. Такая реакция – косвенное подтверждение того, что профессор не слишком тесно общался со своими коллегами и мнение жены о том, что «все его обожали», имеет некоторые неточности. Во-первых, не все, а во-вторых, не «обожали», а просто были равнодушны и поэтому не выказывали явного неприятия.

Складывается ощущение, что Надежда Сергеевна не очень-то хорошо была осведомлена о делах своего мужа и о его взаимоотношениях с окружающими. Она и сама об этом говорила.

Выйдя из помещения кафедры, я почти нос к носу столкнулась с высоким и худым мальчиком, который поспешил извиниться, хотя даже не задел меня.

– Ничего, ничего, – доброжелательная улыбка выпускницы милицейской школы весеннею розою расцвела на моем лице. – Вы не подскажете, как мне найти группу 3705?

– Да все уже, наверное, ушли, у нас последняя пара. А что вы хотели? Может быть, я смогу вам помочь, я тоже из этой группы.

– Правда? Вот какая удача: я собираю дополнительные сведения о профессоре Разумове, ведь он был вашим куратором?

На лице молодого человека в течение одной секунды промелькнуло сразу несколько различных выражений. Доброжелательность, с которой он разговаривал со мной, сменилась какой-то болезненной гримасой, а та, в свою очередь, перешла в восхищенную полуулыбку, которая тоже почти сразу исчезла, и на лице юноши осталось выражение печали. Пораженная такой метаморфозой, я в молчании смотрела на него.

– Да... – наконец произнес он. – Вы знаете, все мы до сих пор в шоке. Невозможно поверить, что такое могло случиться. У кого рука поднялась? Ведь Анатолий Федотович, он... он никому не сделал ни малейшего зла... мы все так любили его...

Казалось, он сейчас расплачется.

– Вы, наверное, хорошо знали профессора?

– Может быть, никто не знал его так, как я! Какой это был прекрасный преподаватель, как он умел интересно рассказывать! Только благодаря ему я ощутил настоящее значение и смысл истории. Он даже готов был заниматься дополнительно с теми, кто интересовался историей, и мы приходили к нему – я и еще несколько человек, – изучали материалы, проводили исследования...

Меня вдруг осенило – не иначе как я разговариваю сейчас именно с тем парнем, про которого говорили мне девушки с кафедры. Тем самым, который «заделался тенью» профессора Разумова. Любовь к своим наставникам – это прекрасно, но, на мой взгляд, во всем нужно знать меру.

То, что мальчик, стоявший передо мной, чувствителен и эмоционален, было видно невооруженным глазом. Тонкая кожа, быстрый взгляд, произвольные реакции... Но был в его экспрессии какой-то диссонанс, который я бы не взялась определить, но который почему-то заставлял меня сомневаться в его искренности.

Мальчик произвел на меня двойственное впечатление, и я решила при случае навести о нем более подробные справки. Чем он занимался в ночь убийства, например? Хотя с таким хлипким тельцем, без малейшего намека на мускулы, он был не очень подходящим кандидатом для наемного уличного хулигана.

Мы познакомились, оказалось, что зовут его Влад и что он готов всячески споспешествовать мне в моих поисках. Обещал даже приобщить к этому своих друзей с исторического факультета. С его друзьями тоже поговорить не мешает. Не будем забывать, что малолетки – одна из версий, и, в каком бы виде они ни выступали, как нанятые кем-то или по своей инициативе, пока преступление не раскрыто, нельзя сбрасывать их со счетов.

Следующим пунктом программы был Владимир Павлович Залесский, и, уточнив у Влада, где находится кафедра экономики, я отправилась заводить новые знакомства.

Господин Залесский с первого взгляда поражал отсутствием всякого выражения на лице. Глядя на меня рыбьими глазами, он молча выслушал рассказ о милицейской школе и голосом, таким же бесцветным, как и его лицо, сказал, что по интересующему меня делу он ничего сообщить не может.

– Но ведь вы работали вместе с профессором Разумовым?

– Так же, как и еще пятьсот человек, состоящих в штате института.

– Однако, занимаясь организацией курсов повышения квалификации, вы находились с ним в более тесном контакте, чем остальные пятьсот человек?

– Наши взаимоотношения касались только профессиональных вопросов, которые не имеют ни малейшего отношения к случившемуся.

– И ваши профессиональные взаимоотношения всегда были безоблачными, вы во всем были согласны друг с другом, никогда не конфликтовали?

– Любую проблему можно решить.

– А я слышала, что в последнее время вы часто ссорились.

– Это были текущие рабочие трудности, которые могут возникнуть во всяком деле и которые всегда разрешались к взаимному удовлетворению.

– Вот как! Да это просто идеальный образец делового партнерства, можно позавидовать. А не подскажите, где вы находились вечером во вторник?

– Эти сведения я уже представил правоохранительным органам. Кстати, школа милиции, если я не ошибаюсь, находится в Тарасове? Что же заставило вас проходить практику в Покровске? Или тарасовские преступники объявили забастовку?

Это был удар не в бровь, а в глаз. Уважаемый Владимир Павлович благодаря своей неподражаемой манере общаться начал вызывать у меня раздражение с самого начала нашего разговора. По мере его продолжения это раздражение постепенно нарастало, тем более что в ответах моего собеседника было совершенно не за что зацепиться. Но последний удар просто поверг меня наземь. На какую-то долю секунды я даже прикусила язык.

Но хоть я и не посещала никогда школу милиции, зато окончила академию права! И, к вашему сведению, господин Залесский, частному детективу Татьяне Ивановой доводилось бывать и не в таких переделках. Поэтому я прикусила язык лишь на долю секунды – не больше.

– Мой руководитель считает, что из всех дел, в которых мы имеем возможность участвовать, это – наиболее интересное. Ну что ж, если вы ничем не можете помочь мне, всего хорошего.

– До свидания.

Ах ты, засранец! Я была в ярости. Шутки шутками, а ведь этот бесчувственный кусок полена с рыбьими глазами практически расколол меня! Недоцениваем мы нашу интеллигенцию. Так просто, мимоходом, равнодушно, как будто пылинку с рукава сдул. А ведь не пылинку сдул – нарушил инкогнито опытного частного детектива! Умен, курилка! Но и мы тоже не лыком шиты. А за урок – спасибо, выучим на всю оставшуюся жизнь. Заигралась, расслабилась – вот тебе и результат.

С Залесским теперь говорить бесполезно, нужно действовать в обход. Он курсами занимается? Вот с ними и поговорю.

Хуже всего, если Залесский имеет отношение к убийству. Возможно, мои расспросы и не смогли по-настоящему встревожить его, но такая хитрая бестия, узнав, что проводится дополнительное расследование, наверняка предпримет меры, чтобы подстраховаться. Да-а, здесь у вас накладочка получается, Татьяна Александровна. Впрочем, рано или поздно он все равно бы узнал.

Держится уверенно... Либо меня не принимает всерьез, либо имеет надежные гарантии. Это тоже уточним. Проверим, Владимир Павлович, все проверим, дайте только срок!

Так размышляла я, проходя по коридору, как вдруг открылась одна из дверей, и навстречу мне вышел Спиридонов Эрнест Эрастович собственной персоной. Увидев меня, он радостно заблестел глазками, и его тоненькие ножки начали активнее подрагивать под тяжестью округлого животика.

– А, милиция! – радостно приветствовал меня он. – Как успехи?

В этот момент я была настолько расстроена, что мысль о том, что есть все-таки на свете существо, которое радо меня видеть, пролилась как бальзам на мою душу, несмотря даже на то, что это был всего лишь Эрнест Эрастович.

– Да вот, сотрудники ваши совсем не хотят помогать.

– Это кто же? Кто посмел? Проработаем на профсоюзном собрании!

– Коллега ваш, господин Залесский.

Глазки господина Спиридонова снова приняли двусмысленное выражение, и он, глядя в угол, как-то сквозь зубы пробормотал:

– А, этот... про свои курсовые операции он много не расскажет.

И, ухмыльнувшись своими змеевидными губами, Эрнест Эрастович отправился восвояси.

Вот это да! Мое полушутливое предположение насчет полезности любвеобильных старичков начинает оправдываться. Не знаю, догадался ли об этом сам Эрнест Эрастович, но слово «курсовые» в его фразе я поняла очень хорошо. Несомненно, речь идет о тех самых пресловутых курсах повышения квалификации, о которых я с самого начала слышу со всех сторон.

Брошенное мимоходом замечание господина Спиридонова еще больше утвердило меня в мысли пообщаться с «курсантами». Занятия начинались в шесть часов вечера, и у меня еще было время посидеть в кафе, выпить кофе и покурить.

* * *

Времени оказалось даже больше, чем надо: как выяснилось, к началу занятий приходиться бесполезно – времени на беседы ни у кого нет. Пришлось дожидаться окончания пары.

На перемене я заприметила небольшую группу девушек, стоявших у окна и лениво о чем-то переговаривавшихся.

– Девчонки! – сделав глазки покруглее, обратилась к ним я. – А можно спросить у вас... я хочу поступить на курсы, не расскажите, как здесь у вас все происходит?

– Как обычно – ходишь на занятия, потом сдаешь зачет и получаешь свидетельство об окончании.

– Или не ходишь и... получаешь свидетельство, – с усмешкой сказала одна из девушек.

– Как это? – очень удивилась я.

– Так это. Нужные знакомые есть – можешь не напрягаться. У нас в группе сорок пять человек числится, а на занятиях и двадцати ни разу не бывало. А «корки» наверняка все получают.

– Ничего себе! А тем, кто ходит, это какую-то пользу приносит? Не в смысле зачетов, а в смысле знаний?

– Какое там! Для галочки пару отсидят, свое отбарабанят – и взятки с них гладки.

– А берут дорого?

– За зачет? – с иронией спросила девушка, намекнувшая, что можно получить зачет, не посещая занятий.

– Да нет, за обучение.

– Нам мало не кажется. Да было бы еще обучение, а то... не поймешь что...

– Знаете, девчонки, – заговорщическим тоном сказала одна из девушек, – я однажды в деканат зашла, у них там шкаф раскрыт был, и в нем, представляете, зачетки прямо стопками друг на друге лежат. А стопка – на всю высоту полки!

– Ни хрена себе масштабы!

– А это что означает? – наивно поинтересовалась я.

Девушки посмотрели на меня, как на законченную идиотку, и со снисходительным цинизмом объяснили вещь, по их мнению, элементарную:

– А то, что зачетки приготовлены для проставления зачетов, вот что это означает. Когда нужный преподаватель в деканат заходит, ему партию зачетов дают – он пустые графы и заполняет.

– Вот это да-а! – изумленно протянула я. – Дела у вас тут...

– Да какие это дела, так сейчас везде, а вот руководители наши, Залесский с Разумовым, эти и в самом деле крутили дела.

– Правда? – Всеми силами я старалась не показать, насколько интересует меня продолжение разговора.

Девушки было замялись, но, видимо, не узрев в моей личности ничего настораживающего, продолжили разговор.

– Правда. У меня знакомая есть в деканате – Юлька. Знаешь ее, Свет?

Ироничная девушка, которую, как оказалось, звали Света, понимающе кивнула.

– Света рассказывала: как-то раз провели деньги, вроде бы на покупку калькуляторов, а завскладом как прикопался: «Где калькуляторы? Деньги получали – показывайте! Или деньги, или калькуляторы». Юлька говорит: «Я сижу – угораю. Захотел денег! Они давно уж у Залесского в приходе учтены и расписаны».

– Да-а, дела... А ты говоришь – обучение, – с некоторой даже укоризной посмотрела на меня одна из девушек.

– Или еще: проводят деньги как плату за обучение, а студентов таких не числятся. Спрашивается – откуда они их берут?

А вот это уже действительно интересно! Это ведь не что иное, как классическое отмывание нелегальных доходов. Чем же они занимались тут, на этих тихих и ничем не примечательных курсах? И потом: это весьма и весьма существенная предпосылка для появления мотива к убийству. Если предположить, что и у господина Разумова был такой же оригинальный характер, как у господина Залесского, вряд ли их отношения были безоблачными. Да и девочки из исторического деканата намекали на то, что в последнее время они часто ссорились... Как будто в подтверждение моих догадок одна из девушек задумчиво произнесла:

– Да уж, крутили они тут неслабо... Только грызлись постоянно. Оно и неудивительно – денежек всякому хочется, и чем дальше, тем больше... И это убийство, еще неизвестно, кто его...

Ого! Чем дальше в лес, тем больше дров! Ну что же ты растерялась-то, милая моя, – продолжай! Но девушка продолжать не стала, и я, в качестве новенькой, решила задать вопрос:

– Какое убийство?

Однако номер, к сожалению, не прошел.

– Никакое, – остановили слишком разговорчивую девушку ее бдительные подружки. – Пошли, сейчас звонок будет.

Так и не довелось мне узнать, что думают о загадочном убийстве профессора курсистки. Но и без этого выведала я достаточно.

Уже совсем поздним вечером, возвращаясь домой, я пыталась мысленно разложить по полочкам все данные, которые мне сегодня удалось получить.

Из разговора с девочками из деканата было понятно, что высказывание жены профессора о том, что все в нем «души не чаяли», как минимум преувеличение. Отношение к нему окружающих было скорее сдержанно-равнодушным.

Учитывая информацию, полученную от курсисток, можно предположить, что уважаемый профессор был нечист на руку. Хотя не такое уж это из ряда вон выходящее событие. Кто же не будет пользоваться, имея возможность? А вот стычки с Залесским – это факт, на который следует обратить внимание. Шутки шутками, а в девяти случаях из десяти – где деньги, там и мотив.

Что еще? Экспрессивный мальчик, слишком резко переходящий от восторга к отчаянию? Если он общался с профессором достаточно тесно, мотив мог быть и у него, хотя в одиночку он не сумел бы справиться и с хромой курицей. А для того, чтобы позвать помощников, он должен

был их как-то заинтересовать, что всегда очень сложно, если мотив личный. Кому какое дело до ваших симпатий и антипатий? Разумеется, проверить нужно будет всех.

Поднявшись к себе и открыв дверь в квартиру, я вдруг поняла, как сильно устала сегодня. Вроде бы и землю не пахала, и бревна не таскала, а ощущение такое – упасть бы сейчас без движения и до утра не вставать.

Это все разговоры. Болтаешь, болтаешь, что-то изобретаешь, и все время – в напряжении, все время боишься на чем-нибудь попасться. И ведь попалась-таки! Сволочь Залесский! Надавать бы ему по морде вместо всех этих разговоров. И ему наука, и мне польза – по крайней мере, хоть психологическая разрядка была бы.

Но в данный момент мне нужна подзарядка. Я сварила кофе, закурила и попыталась составить план своих действий на ближайшее время. Завтра воскресенье, посещение официальных учреждений отменяется. Из тех, кто был назван женой профессора в качестве наиболее частых контактеров, я не встречалась еще с Верой Иосифовной Зильберг. Ее-то персоной я и займусь в следующий понедельник, а завтра нужно будет сделать одну вещь, не менее важную, чем все эти встречи и разговоры. А их наверняка будет у меня в этом деле еще предостаточно.

Чем глубже я вникаю в это дело, тем больше передо мной новых данных, по своей значимости – приблизительно равных. Осмотр трупа показал, что возможны все три варианта убийства: неизвестные хулиганы, студенты и нанятые исполнители, и они имеют практически одинаковые шансы на победу. Беседа с коллегами профессора и студентами показала: кого ни возьми – у всякого мог быть какой-нибудь мотив; и не показала ничего, что указывало бы на мотив, достаточно сильный для того, чтобы совершить убийство. Наверняка общение с пока еще неизвестной мне Верой Иосифовной тоже приведет к чему-то подобному.

В конце концов, я просто запутаюсь среди всех этих новых данных, достаточно важных, чтобы обратить на них внимание, но недостаточно значительных, чтобы навести на след убийцы. Нет, так не пойдет! Необходимо понять, что главное в этом деле, а что – второстепенное, на чем нужно сосредоточиться, а что просто принять к сведению. Надо бы бросить кости. Но сегодня уже нет сил. Завтра...

А сегодня – спать!

* * *

Утром в воскресенье я проснулась бодрой и отдохнувшей. Вчерашней усталости как не бывало.

Решив провести этот день правильно, я приняла контрастный душ и уделила серьезное внимание гантелям и физическим упражнениям. Учитывая, что основная моя работа в этом деле пока ограничивается разговорами, дополнительная тренировка мышц будет весьма кстати.

Образцово-показательный день должен включать в себя и правильное питание. Не обычную сухомятку, которой я привыкла перебиваться в запарке всевозможных следственных экспериментов, а нормальные «суп, второе и компот», которые для каждого советского человека являются эталоном еще с детского садика. Но, заглянув в холодильник, я поняла, что достигнуть идеала будет непросто.

Ничего, хотя бы приблизительно похожего на ингредиенты к супу, в холодильнике не оказалось. Были какие-то мясные полуфабрикаты. В лучшем случае они могли бы сойти за второе. Однако сломить душевную твердость частного сыщика Татьяны Ивановой не так-то просто!

Я спустилась вниз и в ближайшем продуктовом магазинчике купила две пачки лапши быстрого приготовления. Залив содержимое пакета кипятком и раскрошив туда кубик кури-

ного бульона, я получила нечто до такой степени похожее на настоящий суп, что меня охватила неподдельная гордость своими хозяйственными способностями.

Засунув в микроволновку мясной полуфабрикат, я убедилась, что и второе будет присутствовать в моем правильном обеде. А компот – это и вовсе просто: чашечка прекрасного свежеприготовленного кофе – вот мой самый лучший «компот».

Закончив правильный обед, я закурила сигарету и попыталась сосредоточиться на вопросах, которые предстояло мне разрешить с помощью гадальных костей. Что же я хочу узнать? В первую очередь: удастся ли мне вообще распутать это дело? Время идет, происходит накопление все новых и новых данных, из которых все имеют отношение к делу. Но они не дают оснований для того, чтобы начать серьезно подозревать кого-то конкретного.

Что меня ожидает – вот первый вопрос.

И еще один вопрос, который вчера оформился в моей голове: что главное в этом деле, на чем мне нужно в первую очередь сосредоточиться?

Я достала замшевый мешочек с костями, потрясла его, чтобы они перемешались, и высыпала кости на ковер.

Сочетание цифр оказалось таким: 7, 13, 31. В словесном представлении это означало: «Вас ожидает много разочарований. Не забывайте о противоположности».

Вот тебе и прояснила обстановочку! Вместо того чтобы разложить все по полочкам, гадание еще больше все запутало.

По поводу разочарований все предельно ясно. Они преследуют меня с самого начала этого дела. Рада узнать, что они будут мешать мне и дальше.

А вот «не забывайте о противоположности» – это что-то загадочное. О какой противоположности? О противоположности разочарованиям? Хорошо бы! Или, может быть, о противоположности вообще? Что подразумевается под противоположностью вообще? Черный – белый: это противоположность; умный – глупый: противоположность; хороший – плохой... Не здесь ли собака порылась?

То есть то, что (или тот, кто) на первый взгляд кажется хорошим, на проверку может оказаться и плохим; а то, что кажется плохим, вполне может оказаться и хорошим. В этом смысле?

Если так, возможно, зверски убитый профессор истории пострадал за дело, а до икоты неприятный на вид господин Залесский в душе – никем не понятый последний романтик.

Перевертыши? Приходилось сталкиваться с такими явлениями! Не теряйте бдительности, Татьяна Александровна: если вы правильно истолковали результаты гадания – расследуемое дело стало интереснее в два раза. Теперь придется думать не только о том, какие именно из всего многообразия данных могут иметь непосредственное отношение к убийству, но и какие из них следует трактовать в противоположном смысле. Чует мое сердце – ждут меня разочарования, аж облизываются от нетерпения!

Пребывая в некоторой растерянности от результатов гадания, я закурила сигарету и попыталась собраться с мыслями. Но они не собирались. Обещание новых разочарований расстроило меня, а загадочное напоминание о противоположностях сбило с толку. Так и не придя ни к какому консенсусу, я решила положиться на народную мудрость «Утро вечера мудренее» и отправилась спать.

Глава 4

Утро хотя и не внесло безоблачной ясности в мои мысли, но зато подарило позитивный настрой, благодаря которому я приняла твердое решение: следовать намеченному плану, несмотря на все разочарования и противоположности, которые могут меня ожидать.

Сегодняшний день должен быть посвящен Вере Иосифовне Зильберг, одной из коллег профессора Разумова по Техническому университету, с которой он, по словам жены, продолжал поддерживать отношения. На этот раз ехать в Покровск было не нужно. Я оказалась перед дверью кафедры общественных дисциплин, которой, как выяснилось, заведовала Вера Иосифовна, в самом начале рабочего дня.

Но, к моему удивлению, на рабочем месте ее не оказалось.

– Вера Иосифовна уехала на научную конференцию. А вы по какому вопросу? – с любопытством посмотрела на меня секретарша, немолодая уже женщина с маленькими бойкими глазками на востреньком личике, чем-то напоминающая старуху Шапокляк.

Похоже, снова придется рассказывать историю про милицейскую школу.

– Я хотела бы побеседовать о профессоре Разумове. Я собираю дополнительные сведения по этому делу по заданию своего руководителя дипломной работы. Я оканчиваю обучение в школе милиции, – с доверчивой улыбкой сообщила я.

– Ах молодежь! – тоже с улыбкой, но уже с материнской, посмотрела на меня женщина. – Девушка, и на тебе – милиция! Не страшно?

– Что вы, это так интересно – расследования, преступники... вот и по этому делу... – попыталась было я навести женщину на нужную мне мысль, но сбить ее оказалось не так-то легко.

– Вот именно – преступники... Девушка должна выбирать женскую профессию – быть учителем или врачом...

Я почувствовала: если ее сейчас не остановить, словоохотливая дамочка еще долго будет объяснять мне свою систему разделения профессий по половым признакам. Поэтому решила поставить вопрос ребром:

– Вы знаете, что профессора убили?

Ничуть не меняя выражения глаз, смотрящих на мир с оживленным любопытством, Шапокляк изобразила на своем остреньком лице гримасу печального сострадания.

– Да, нам сообщили. Это очень печально. Мы все хорошо относились к Анатолию Федотовичу, когда он работал здесь. И Вера Иосифовна, она тоже... страшно огорчилась.

Невооруженным глазом было видно, что моей собеседнице не терпится высказаться на какую-то весьма интересную для нее тему, но она не знает, как начать. Не имея представления, о чем может пойти речь, я опасалась задавать наводящие вопросы, чтобы это похвальное желание не улетучилось от какого-нибудь моего неосторожного намека.

Чтобы добиться успеха и позволить секретарше высказать все, что было у нее на душе, я решила пойти другим путем и прибегнуть к уже много раз оправдавшей себя классической схеме. Правда, на этот раз у меня не имелось в запасе ни конфет, ни шампанского, но это было делом поправимым.

– Вы знаете, – голосом, преисполненным дружелюбия, сказала я. – Вера Иосифовна, наверное, будет еще не скоро, а дожидаться ее мне необходимо. Может быть, мы с вами пока попьем чайку? Я сбегая, куплю что-нибудь вкусненькое...

Но оказалось, что гостеприимство своей собеседницы я явно недооценила.

– Что вы, деточка, не нужно никуда бегать! Тут у нас не казарма, кусочек печенья к чаю найдем.

– Ой, мне так неудобно, получается, что я напросилась...

Но добрая тетя Шапокляк уверила меня – ничего подобного, она все равно приблизительно в это время всегда пьет чай и ей будет только приятно, если я составлю ей компанию.

Конечно, я предпочла бы кофе, но, понимая, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, я во второй раз с того времени, как начала расследовать это дело, занялась распиванием чаев с обслуживающим персоналом высших учебных заведений. То, что именно чай – наиболее распространенный напиток в этой среде, было мне хорошо известно, и нарушать эту давнюю традицию было бы неправильно.

По мере того как наши души согревал ароматный напиток, беседа становилась все доверительнее, и я уже чувствовала, что вот-вот моя собеседница, которую звали вовсе не Шапокляк, а Подпалова Степанида Михайловна, откроет мне то заветное, что знала она по интересующему меня вопросу.

– Какие были у них отношения? – спросила я, в очередной раз восхитившись тем, какое вкусное у Степаниды Михайловны печенье.

– Ах деточка, если бы вы знали, какие сложные иногда бывают у людей взаимоотношения! – взгляд Степаниды Михайловны сделался романтическим и загадочным.

Я наострила уши.

– Конечно, Вера Иосифовна старалась не подавать виду... серьезный преподаватель, к тому же теперь – такая должность у него... Но ведь мы, женщины, все чувствуем сердцем?

Я с готовностью кивнула.

– С того времени, как они разошлись с мужем... не знаю, какая была причина, но Вера Иосифовна сильно переживала и, чтобы как-то отвлечься, всю себя посвятила работе. Анатолий Федотович... он всегда был так предан своему делу, подолгу пропадал в институте. Бывало, мы уже все уходим, а они все спорят, обсуждают какие-то проблемы... Ну и...

– И что?

– Ах деточка, что может быть, когда мужчина и женщина постоянно находятся вместе? Конечно, между ними, в конце концов, возникают не только профессиональные чувства. Но вы не подумайте: никаких скандалов или неприличных сцен! Ведь оба они уже достаточно взрослые люди, Анатолий Федотович женат... Думаю, они боялись признаться в этом даже самим себе! Но такое не скроешь... Все мы знали, и все сочувствовали им. Ведь Надежда Сергеевна ни в чем не виновата, она прекрасная женщина, все любили ее... Так все оказалось запутано, что и не распутаешь. С какого-то времени мне стало казаться, что Надежда Сергеевна что-то подозревает. Разумов стал реже встречаться с Верой Иосифовной, они начали ссориться. Однажды – сама я не присутствовала при этом, мне рассказали, – они поругались очень серьезно. Не прошло и недели, как Анатолий Федотович уволился и стал работать в Покровске. Надежда Сергеевна тоже ушла. И даже, насколько я знаю, больше нигде не устроилась. А Вера Иосифовна после развода с мужем так и не вышла второй раз замуж.

– Вы хотите сказать, что профессор Разумов уволился из-за своего романа с Зильберг?

– Не знаю, из-за романа или нет, но одно время они проводили очень много времени друг с другом, а потом поссорились, и Анатолий Федотович ушел, – явно не желая нести ответственность за свои слова, несколько обтекаемо высказалась Степанида Михайловна.

А профессор-то, оказывается, мастер на все руки! И денежки успевал крутить, и романы. А жена, значит, заиклилась на преподавании иностранных языков и не ведала, что у нее под носом творилось? Если верить общительной Степаниде Михайловне, она о чем-то догадывалась, но насколько реальное подтверждение эти догадки получили – вот что хотелось бы знать!

– А Надежда Сергеевна не могла застать... какую-нибудь неподходящую сцену? Для того, чтобы уволиться с работы, тем более они работали здесь не один год... Разумовы достаточно долго работали в университете?

– О да! Анатолий Федотович учился здесь, потом поступил в аспирантуру... и так далее, пошел по восходящей. Он – наш, коренной...

– Ну вот, видите! Он лучшие годы свои отдал университету – и вдруг ушел. Согласитесь, причина должна быть достаточно серьезной.

– Не знаю. Возможно, и было что-то... С нами они свои чувства не обсуждали. Только по каким-то намекам догадываешься... Анатолий Федотович человек был закрытый, необщительный, и Вера Иосифовна лишнего слова никогда не скажет. Когда она с мужем развелась... и видно было, что переживает, а спросишь: «Нет, ничего, все нормально». Тяжело иногда с ними, – с усталой улыбкой сказала Степанида Михайловна, как говорит о своих питомцах воспитательница детского сада в конце напряженного трудового дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.